
4. Историческая память: «точная» и «виртуальная»

Код ВАК 07.00.02

М. А. Фельдман

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ, ИЛИ ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ МОНОГРАФИИ И. В. НАРСКОГО «ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ. БУДНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1917–1922 ГГ.» (М.: РОССПЭН, 2001)

Статья посвящена важной исторической и историографической проблеме: роли Гражданской войны в истории России. Стала ли Гражданская война катастрофой для российского общества, нарушив цивилизационную связь времен? Автор высказывает мнение, что при всех многочисленных бедах и потерях период 1918–1920 гг. не был катастрофой для экономики и общества, как в масштабах страны, так и уральского региона.

Ключевые слова: Россия; Урал; промышленность; население; рабочие; потери.

«Большое видится на расстоянии». Эта строчка поэта вполне применима к оценке исторических работ: зачастую требуются годы и десятилетия для того, чтобы оценить достоинства и недостатки монографии, созданной в русле определенной научной концепции, на основе конкретного методологического подхода. Время также меняет оценки значимости концепций и методов.

Выход в Москве, в 2001 г. в РОССПЭН книги видного уральского исследователя И. В. Нарского «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 г.»⁴⁸⁰ стал событием в исторической науке как потому, что анализ событий в регионе в годы Гражданской войны в монографии проходил постоянно в сравнении с общероссийской

Фельдман Михаил Аркадьевич, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); доктор исторических наук, профессор.

Feldman Mikhail, professor of the Department of Public Administration and Policy Technologies of Ural Institute – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-78-81. Электронная почта/E-mail: feldman-mih@vandex.ru.

⁴⁸⁰ Нарский 2001.

действительностью. так и в силу новаторского характера исследования.

Автор справедливо отмечал, что «историки кризисных эпох чаще других попадают под обаяние точек зрения, выработанных непосредственными участниками и свидетелями изучаемых событий». Относительно периода Гражданской войны интерпретации советских историков некритично отражали позицию победителей – большевиков. Этот факт демонстрировали не только аргументы, но и сама стилистика исторических трудов советской эпохи, в первозданном виде воспроизводящая язык коммунистической публицистики того времени⁴⁸¹.

Немногое – если не считать превращения большевиков из «идеальных борцов» в «губителей свободы и врагов народа», а их противников в мучеников и подлинных героев – изменилось и в постсоветский период, поскольку, как пишет Нарский, в работах отечественных историков по-прежнему преобладал марксистский принцип рассмотрения истории общества сквозь призму классовой борьбы. В результате многие исследования сохраняли качество обличительной литературы, а социальные группы подразделялись на «прогрессивные» и «регрессивные»⁴⁸².

Подведя столь обоснованный итог историческим работам 1990-х гг., посвященным периоду Гражданской войны в России, отметив «ураганное расширение тематики»⁴⁸³, Нарский изложил цель исследования – центральной темой книги провозглашалась роль «маленького человека» в грандиозных исторических событиях. На этой основе предполагалась реконструкция стратегии выживания населения в экстремальных условиях гуманитарной катастрофы⁴⁸⁴.

При наличии к началу XXI в. уже немалого числа монографий и статей, выполненных в рамках *истории повседневности*⁴⁸⁵, книга Нарского воспроизводила невиданную до этого – по своей широте – картину человеческого бытия во всех сферах социальной жизни в один из самых тяжелых периодов российской истории. Масштаб деградации и примитивизации жизни представителей всех слоев российского общества в период Гражданской войны, яркость изложения позволяют присоединиться к целому ряду историков, положительно оценивших труд Нарского.

⁴⁸¹ Нарский 2001: 14.

⁴⁸² Там же: 15.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же: 24.

⁴⁸⁵ Там же: 16–17.

Более того, ни в 1990-е гг., ни в первое десятилетие XXI в. в исторической литературе не появлялись столь же выразительные картины повседневной жизни в годы Гражданской войны, как в монографии уральского историка, словно подтверждающая доказательства автора в пользу необходимости победного шествия методологии истории повседневности.

Одним из центральных мест в монографии выступало авторское определение методологического видения проблемы. Отталкиваясь от критики рядом западных, главным образом германских, исследователей сторонников социальной истории⁴⁸⁶, Нарский выразил сомнение в самой возможности использования инструментария классической социальной истории, вследствие «недооценки размеров пережитой населением катастрофы»⁴⁸⁷. Заметим, что хотя в тексте звучит иной термин – «социологический инструментарий», автор, поддерживая обвинения социальных историков в «переоценке социальных макроструктур, недостаточном интересе к человеку»⁴⁸⁸, имел в виду инструментарий классической социальной истории. В подтверждение этого можно привести следующую мысль автора, носящую концептуальный характер: «В условиях невиданной катастрофы, обрушившейся на население, происхождение и социальная принадлежность человека (выделено мной М.Ф.)... не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»⁴⁸⁹. Таким образом (и это подтверждает все последующее содержание монографии), жизнь «малого человека» фактически рассматривается вне непосредственной связи с конкретно-историческим развитием реальных социальных групп. Об этом свидетельствует и критика (пусть и весьма сдержанная) работ В. Бровкина за рассмотрение истории Гражданской войны «как взаимодействия всех социальных групп, политических движений, партий»⁴⁹⁰.

Такая позиция тем более удивительна, что Нарский указывает на необходимость рассмотрения истории повседневности как развития социальной истории в контексте изучения и социальных структур, и их восприятия современниками во взаимодействии и взаимовлиянии⁴⁹¹. Однако и здесь остается открытым принципиальный вопрос: история повседневности рассматривается как разновидность социаль-

⁴⁸⁶ Парский 2001: 16

⁴⁸⁷ Там же: 19.

⁴⁸⁸ Там же: 16.

⁴⁸⁹ Там же: 25.

⁴⁹⁰ Там же: 16.

⁴⁹¹ Там же: 22

ной истории, либо как ее более высокий этап; своеобразная надстройка, снисходительно посматривающая на свою прародительницу?

Еще одним методологическим подходом в монографии стало восприятие событий Гражданской войны как *всеобщей катастрофы*. «размеры которой превосходят силу воображения современного человека»⁴⁹², а «многие специфические групповые модели поведения все в большей мере вытеснились простейшими, индивидуально, реже – коллективно разыгрываемыми импровизациями на тему физического выживания»⁴⁹³.

Аргументами в пользу «теории катастрофы» в монографии выступают такие составные части всеобщего хаоса и разложения в регионе, как демографическая, продовольственная, управленческая, культурная, бытовая, санитарная катастрофы; разрушение подавляющего числа (70%) промышленных предприятий.

Но что понимается под термином «катастрофа»? Нарский прослеживает эволюцию толкования указанного слова: от нейтрального – «переворота, перелома, важного события, решающего судьбу или дела» у В. В. Даля, до «события с трагическими последствиями» у С. И. Ожегова (1991 г.)⁴⁹⁴. Между тем, в более позднем издании (1995 г.) словаря Ожегова расширены и более точно, на наш взгляд, определены границы термина «катастрофа» благодаря добавлению к прежнему определению: «неожиданное и грандиозное событие в истории планеты, влияющее на ее дальнейшее существование»⁴⁹⁵. Поскольку, в этом случае, различия между понятиями «трагические последствия» и «катастрофа» становятся более рельефными, оговоримся, что под понятием «катастрофа» мы понимаем разрушительные события в истории страны, социальной группы, в сфере жизни отдельного человека, *имеющие необратимое или трудно обратимые последствия*.

Рассмотрим все названные аргументы. Говоря о демографической стороне проблемы, автор приводит утверждение об убыли 70 млн жителей России в результате двух войн или потери трети *ожидаемой численности населения*⁴⁹⁶. Однако на этой же странице сообщается о том, что утрата 30–32 млн жителей бывшей Российской империи произошла постольку, поскольку они оказались в составе возникших независимых государств в результате «усечения территории», а 2–3 млн россиян стали эмигрантами⁴⁹⁷. В этой связи, в контексте демографиче-

⁴⁹² Парский 2001: 19.

⁴⁹³ Там же: 25–26.

⁴⁹⁴ Там же: 24.

⁴⁹⁵ Ожегов, Шведова 1995: 264.

⁴⁹⁶ Парский 2001: 19.

⁴⁹⁷ Там же: 122.

ской катастрофы, возникают большие сомнения. что, например, жизнь украинцев и белорусов в составе «белопанской» Польши оказалась в 1920–1930-е гг. более трудной, чем у их сородичей в СССР.

Примечательно и другое: автор приводит статистические данные подтвержденных потерь населения: за 1918 – начало 1922 г. на территории будущего СССР погибли: 5–6 млн от голода; 3 млн от болезней; 3 млн на фронтах Гражданской войны; 0,2 млн – от бслого и 0,5 млн – от красного террора⁴⁹⁸. Гибель 11,7–12,7 млн человек – это бесспорно, трагедия для России. Но примерно половина из значительной и столь болезненной потери 8–10 % населения⁴⁹⁹ приходится на события, связанные с голодом 1921–1922 гг., т.е. после окончания основных военных действий.

В коллективной монографии ведущих российских демографов отмечается, что точные цифры потерь населения России в годы Гражданской войны вообще *установить невозможно*, что объясняется состоянием и противоречивостью источников и отсутствием общих критериев в оценке влияния различных факторов на демографическую ситуацию, различием используемых методик⁵⁰⁰. Не случайно, что показатели изменения численности населения России в сопоставимых (установившихся в 1921–1922 гг.) границах колеблются за 1914–1920 гг. от сокращения на 7,1 млн человек до роста – на 6,4 млн человек⁵⁰¹. Судя по статистике, приведенной Нарским, в Вятской губернии за период 1912–1920 гг. (т.е. с учетом потерь Первой мировой войны) население сократилось на 2,5 %; в Пермской губернии – произошел *рост численности населения* на 3,2 %; в Челябинской губернии (за 1916–1920 гг.) также отмечен *рост численности населения* на 10,8 %⁵⁰². Пожалуй, затруднительно отнести такую статистику к разряду «демографических катастроф».

Более точную картину потерь численности населения Урала за 1914–1920 гг. (т.е. от двух войн: Первой мировой и Гражданской) несут Труды ЦСУ СССР. Так, население Вятской губернии в 1920 г. насчитывало 89 %, Пермской – 94 % от уровня 1914 г.⁵⁰³

Нарский обоснованно указывает, что наиболее пострадавшей частью региона был Южный Урал, хотя и не приводит обобщающих

⁴⁹⁸ Нарский 2001: 123.

⁴⁹⁹ Население России 2000: 93–94.

⁵⁰⁰ Там же: 95.

⁵⁰¹ Там же: 93–94.

⁵⁰² Нарский 2001: 123–124.

⁵⁰³ Труды ЦСУ 1921: 2–5.

данных⁵⁰⁴. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, в наиболее пострадавшей от мировой и Гражданской войн Оренбургской губернии часть потерь населения приходится на миграционные потоки казачества и казахов⁵⁰⁵. Во-вторых, судя по данным монографии, основные потери населения Урала пришлись не на период войн. Они стали результатом голода 1921–1922 гг., а также эпидемий тифа, дизентерии, холеры, являвшихся, все-таки, последствиями военных потрясений⁵⁰⁶.

Монография показывает обширную и жуткую картину голода и нехватки продуктов на Урале. Доказательства автора строятся на факте крайней скудности содержания продовольственного пайка⁵⁰⁷. Действительно, даже в Петрограде достаточный для нормального питания паек в 3600 калорий получал всего один процент рабочих⁵⁰⁸. Проведенное осенью 1918 г. (т. е. после сбора нового урожая) бюджетное обследование питания населения (в основном рабочих) в 40 городах России установило практически ту же картину – в среднем паек рабочего не превышал 2680 калорий или 74 % от нормы⁵⁰⁹.

Вместе с тем, судя по Уралу, пайковое снабжение рабочих в Советской республике в 1919–1920 гг. эволюционировало в сторону медленного, но, тем не менее, очевидного, увеличения удельного веса потребляемого рабочими по карточкам продовольствия. Так, по данным ЦСУ РСФСР, если в декабре 1919 г. рабочие Урала 44,8 % потребляемого продовольствия получили по карточкам (остальная часть продуктов приобреталась на рынке по коммерческим ценам), то в мае 1920 г. на карточки пришлось уже 63,3 %⁵¹⁰. Для подобного, не столь значительного, но, тем не менее, позитивного (в условиях нищеты и разрухи) сдвига потребовались чрезвычайные меры: рассмотрение вопроса снабжения уральских рабочих на заседании Совета Труда и Оборона в январе 1920 г.; введение заградительных отрядов, блокирующих вывоз продуктов с территории Урала; использование железнодорожного транспорта Красной Армии⁵¹¹.

⁵⁰⁴ Сложность подсчета населения в Оренбургской губернии объясняется еще и тем, что в 1919 г. значительная часть территории Оренбургской губернии отошла к Челябинской губернии и Башкирской АССР. В результате в губернии осталось только 2 уезда — Оренбургский и Орский.

⁵⁰⁵ См. например: История казачества 1995: С. 94.

⁵⁰⁶ Парский 2001: 124, 126–139.

⁵⁰⁷ Там же: 243.

⁵⁰⁸ Ильяхов 2010а: 44.

⁵⁰⁹ Там же: 39–40.

⁵¹⁰ Труды ЦСУ 1921: 24, 32–33.

⁵¹¹ Шниловцев 2004: 24–26.

Важным событием процесса закрепления на производстве рабочих кадров уральской промышленности стало расширения числа работников «бронированных предприятий» Урала – Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Уфимской, Тюменской губерний – (получавших усиленный паек): с 120 тыс. с декабря 1919 г. до 172 тыс. в декабре 1920 г.⁵¹² В реальности это означало «бронирование» большинства работников не только оборонных, но и вообще работавших предприятий крупной промышленности. В связи со стремлением рабочих и служащих, хуже снабжаемых предприятий⁵¹³, перебраться на предприятия более обеспеченные, контингент получавших бронированный паек увеличивался, и вероятность получения его в соответствии с нормой уменьшалась.

Тем не менее, если во второй половине 1919 г. работники промышленных предприятий получали 20–80 % хлеба, положенного по карточкам, то в 1920 г. — 85–100 %⁵¹⁴. Не забывая о цене такого «достижения», обеспеченного беспощадными продразверстками, террором и репрессиями за любое неповиновение, за подобным увеличением просматривается вектор продовольственной политики: любым способом обеспечить коллективы оборонных предприятий хлебом. Обеспечение другими продуктами (крупы, мясо, сахар) носило эпизодический характер (не более 10 % от потребности). Скудность продовольственного пайка (несмотря на все очевидные меры по его увеличению) была столь очевидна, что по своей калорийности позволяла выполнять только легкую работу⁵¹⁵.

Позитивную роль сыграло введение натурального премирования. Усиленный добавочный паек натурой в порядке премий (сверх установленной оплаты труда) получали, прежде всего, рабочие образцовых и ударных предприятий. Максимальная величина месячных премий была невелика и достигала 9 фунтов муки, 7,5 фунтов крупы, 7,5 фунтов крупы мяса или рыбы, 1,8 фунта чая, 2 г сахарина, 1 фунта соли (в общей сложности не более 45 фунтов)⁵¹⁶. Однако с учетом однообразности и преимущественно растительного характера потребляемой рабочими пищи (например, в Екатеринбурге в декабре 1919 г. из 3 фунтов ежедневно потребляемой рабочими пищи $\frac{3}{4}$ приходилось

⁵¹² Там же: 32.

⁵¹³ Весной 1920 г. все предприятия Урала были разделены на образцовые, ударные, работающие и приостановленные.

⁵¹⁴ Годовой отчет 1921: 83–84 (данные по Екатеринбургской губернии).

⁵¹⁵ Шиловцев 2004: 33–35.

⁵¹⁶ Там же: 32–33.

на картофель и хлеб)⁵¹⁷, премиальный фонд способствовал закреплению рабочих на предприятиях.

Часть продовольствия рабочие дополнительно получали через открытую на предприятиях широкую сеть столовых. В практику гражданской войны вошло прикрепление рабочих Урала к заводским столовым, обеспечивающих горячим питанием. Общественное питание, выступая в качестве одной из составляющих частей системы распределения, сыграло положительную роль в смягчении продовольственного кризиса – коммунальными столовыми пользовалась примерно 1/6 часть *городского* населения Урала, но – судя по Екатеринбургской губернии, где 92 заводские и городские столовые ежедневно обслуживали 55 150 человек⁵¹⁸ – большая часть рабочих и служащих промышленных предприятий.

Говоря о продовольственном снабжении населения, следует учитывать, что большинство жителей горнозаводских поселков и городов имели не только огороды, но *земельные и лесные наделы*⁵¹⁹. Для рабочих-уральцев в годы Гражданской войны во многом спасением от недоедания стало увеличение сельскохозяйственных посевов⁵²⁰. Если в 1916 г. на Урале из всех хозяйств горнозаводского населения 45 % имели посевы, то в 1920 г. – 73%⁵²¹. Судя по Екатеринбургской губернии, в 1920–1921 гг. рабочие в своих хозяйствах получали примерно 30–50 % довоенного количества продуктов⁵²². Приблизительность приведенного показателя очевидна, но она коррелируется с более точными сведениями по удельному весу среднего дохода от собственного хозяйства в дореволюционный период (20–27 %)⁵²³.

Помимо этого, одним из основных источников пропитания рабочих становились хищения имущества с предприятий и нелегальное изготовление предметов потребления в рабочее время. Так, в 1918 г. доходы от хищений, выдольвания зажигалок и т.п. составляли 15 % заработка, в 1919 г. – 20%, в 1920 г. – 19 %. Воровство из уголовного преступления стало превращаться в средство поддержания жизни. По подсчетам А. А. Ильехова, «левые» доходы, т. е. получаемые на заводе неофициально, обеспечивали до половины потребления рабочих в годы Гражданской войны⁵²⁴.

⁵¹⁷ Годовой отчет 1921: 88.

⁵¹⁸ Шиловцев 2004: 29.

⁵¹⁹ См. подробнее: Фельдман 2006.

⁵²⁰ Бюджеты рабочих 1929: 22.

⁵²¹ Материалы 1928: 39.

⁵²² Фельдман 1989: 110.

⁵²³ Постников, Фельдман 2006: 197–198.

⁵²⁴ Ильехов 2010b: 30.

Приведенные статистические данные ставят под сомнение утверждение о всеобъемлющей продовольственной катастрофе на Урале. по крайней мере, в период 1918–1920 гг., когда в сельском хозяйстве, даже в наиболее пострадавшей от военных действий в регионе – Челябинской губернии, сокращение посевных площадей составило 7,8 % а поголовья лошадей – на 12,4 %, что разительно отличается от кризисной картины 1922 г.⁵²⁵

Специфика жизни горнозаводского населения (основной части промышленного пролетариата Урала) – владение земельными и лесными наделами – осталась незамеченной в монографии. Обоснованно подмеченная Нарским, мизерность классового пайка, свидетельствовавшая о скудности продовольственных запасов, *являлась только одним из каналов продовольственного обеспечения жителей горнозаводского Урала.*

Заметим, что символ промышленной катастрофы – оглушительная цифра – 70 % разрушенных промышленных предприятий на Урале в результате Гражданской войны⁵²⁶ – взята из весьма специфического источника «Очерков истории коммунистических организаций Урала» и не подтверждается архивными, либо опубликованными статистическими материалами.

Обоснованно отметив резкое снижение выпуска продукции металлургических предприятий Урала⁵²⁷ (действительно, летом 1919 г. после изгнания колчаковцев, выплавка металла на Урале осуществлялась лишь на 2–3 домнах из 97; бездействовало большинство прокатных станов, медсплавильных заводов, рудников)⁵²⁸, Нарский не обратил внимание на то, что уже осенью 1919 г. возобновили работу многие заводы Урала, действовали 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов, т.е. не менее 1/3 металлургических агрегатов, работавших в июле 1918 г., т.е. проводился курс на концентрацию производства из-за нехватки ресурсов⁵²⁹.

Меры, предпринятые советскими органами по выстраиванию системы продовольственного снабжения рабочих и служащих, позволили сохранить костяк работающих на заводах и фабриках, шахтах и рудниках. Сам автор отмечает, что в едва ли не самый тяжелый период для Урала (после ожесточенных боев лета 1919 г.) – в сентябре 1919 г. – на металлургических предприятиях края трудилось около 90 тыс. рабочих, или вдвое меньше, чем в 1916 г.⁵³⁰ В указанный период вдвое

⁵²⁵ Нарский 2001: 95.

⁵²⁶ Нарский 2001: 87.

⁵²⁷ Там же: 81.

⁵²⁸ История народного хозяйства 1988: 37.

⁵²⁹ Там же: 39.

⁵³⁰ Нарский 2001: 86.

сократилась численность шахтеров, на 60 % – рабочих золотодобычи и горняков⁵³¹.

Тем не менее, в сохранении значительной части промышленных рабочих вновь проявились *специфические черты* индустрии Урала: заводы и фабрики в горнозаводских поселках региона, даже прекратив работу, вставали на консервацию, сохраняя штат работников основных цехов⁵³². Система военных госзаказов в 1918–1920 гг., как со стороны белогвардейских правительств⁵³³, так и органов советской власти, для металлообрабатывающих предприятий Урала, прежде всего Ижевского и Пермского (Мотовилихинского), Воткинского, Златоустовского и ряда других заводов позволила сохранить ядро рабочих-машинистов⁵³⁴.

Автор наиболее основательного исследования горнозаводской промышленности Урала в период Гражданской войны С. П. Сигов, в зависимости от степени урона промышленному производству в ходе военных действий и эвакуаций, выделяет две основных типа предприятий: металлургические цеха (*где разрушения были сравнительно незначительны и не играли существенной роли и в последующем восстановлении производства*) и разрушения в других неметаллургических (главным образом, военных и силовых) цехах заводов⁵³⁵.

Однако и здесь, хотя разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны, стремительное отступление белых войск помешало осуществить план эвакуации. Разгром белогвардейцев касался не столько оборудования, сколько всего аппарата управления производства, начиная с канцелярских принадлежностей до увода всего квалифицированного состава работников. Собственно металлургические цехи в большей части были затронуты разрушениями эвакуацией лишь косвенно. Будучи в дальнейшем эвакуировано, увезенное с заводов оборудование, в условиях того момента, в большинстве случаев не находило себе применение⁵³⁶.

Во второй половине 1919–1920 гг. заказы военного ведомства выполняли 477 заводов и фабрик Урала⁵³⁷. Ряд предприятий (напри-

⁵³¹ Дмитриев, Дмитриева 1990: 77.

⁵³² На Урале к 1914 г. насчитывалось более 30 законсервированных заводов, где были заняты 33,5 тыс. рабочих. См. об этом: Фельдман 2001: 93–94.

⁵³³ Там же: 261.

⁵³⁴ См. подробно: Фельдман 2001: 154–155.

⁵³⁵ Сигов: 276–277.

⁵³⁶ Там же: 277–278.

⁵³⁷ История народного хозяйства 1988: 40.

мер, Пермский пушечный завод) временами выходил на уровень производства вооружений и боеприпасов 1915–1916 гг.⁵³⁸

Численность уральских рабочих за 1914–1920 гг. изменилась следующим образом: в горнозаводской отрасли она уменьшилась с 254 тыс. человек в 1914 г. и 203 тыс. в апреле 1918 г. до 129 тыс. в 1920 г., или почти в 2 раза. Число фабрично-заводских рабочих в эти годы оставалось довольно стабильным: 49,6 тыс. в 1914 и 43 тыс. в 1920 г., что объяснялось меньшим влиянием мобилизационных и демобилизационных процессов в легкой и пищевой отраслях. В целом, по сопоставимому кругу, численность всех промышленных рабочих (т.е. горных, горнозаводских, и фабрично-заводских) в 1914–1920 гг. сократилась в регионе с 302,4 тыс. человек до 172 тыс., или на 43,4 %⁵³⁹.

Однако существует еще один аспект данной проблемы. Дело в том, что на протяжении всего 1920 – первого квартала 1921 гг. сохранялась практика применения внеэкономических форм организации труда – составной части политики «военного коммунизма». Такая политика позволила пополнять трудовые коллективы и восстанавливать численность рабочих уральских заводов и фабрик даже после окончания основных военных действий. Показателем *стабилизации* численности рабочих промышленности Урала стали статические данные за 1921 г.: в крупной промышленности Урала были заняты 159,5 тыс. рабочих, в том числе 67,4 тыс. – в черной металлургии⁵⁴⁰. Численность рабочих и служащих каменноугольной промышленности в 1921 г. вдвое превышала уровень 1913 г.⁵⁴¹

Переход к НЭПу ознаменовался *прекращением практики оборонных госзаказов*, устранением внеэкономических форм организации труда и, как следствие, исчезновением искусственных факторов роста рабочих коллективов Урала. В 1922 г. не только выявились последствия декрета ВЦИК (октябрь 1921 г.) о прекращении мобилизации населения, но и были узаконены принципы новых трудовых отношений. Таким образом, в 1921–1922 гг. стали действовать процессы, *не связанные напрямую с Гражданской войной*.

Подлинными размерами потерь, понесенных рабочими региона не только от Первой мировой и Гражданских войн, но и *вследствие демобилизационных мероприятий государства*, стали очевидны летом 1922 г., когда в уральской ценовой промышленности осталось 107665 ра-

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Фельдман 2001: 92–94.

⁵⁴⁰ Фельдман 2001: 96.

⁵⁴¹ История народного хозяйства 1988: 77.

бочих⁵⁴². Примерно половину из них составляли квалифицированные рабочие⁵⁴³.

Но речь должна идти не только о рабочих. Даже в наиболее кризисном для промышленности – 1922 г. на Урале насчитывалось 27 действующих заводов с числом рабочих более тысячи, или треть от аналогичных предприятий в начале XX в.⁵⁴⁴ Изменения коснулись всех социальных слоев, входящих в социум уральских рабочих. К лету 1921 г. более всего пострадали трудовые коллективы бывших казенных заводов, то есть наиболее квалифицированная часть рабочих, занятых в индустрии.

Закономерность этого явления объясняется не только активным участием работников казенных предприятий в Гражданской войне, как на стороне красных, так и белых⁵⁴⁵. Сказалось ослабление самого владельца предприятий – государства. Так, летом 1921 г. на Мотовилихинском заводе – базовом предприятии артиллерийской промышленности России – из 25 тыс. рабочих заводского производства (1917 г.) осталось 1767 человек⁵⁴⁶. На Ижевском заводе, производившем в годы Первой мировой войны треть российского производства винтовок, численность рабочих за 1914–1920 гг. сократилась более чем в три раза, а квалифицированных (как правило, местных уроженцев) – в 15 раз. На Воткинском заводе – соответственно в 5 и 20 раз. Более того, в 1922–1924 гг. Воткинский завод был закрыт на консервацию⁵⁴⁷.

Однако остановка работы в 1921–1922 гг. питерских военных предприятий диктовала необходимость концентрации производства оружия на Урале, где сохранялись запасы топлива и сырья. Для обеспечения их бесперебойной деятельности власти были готовы закрыть глаза на такое «прегрешение рабочих», как служба у белых. В августе 1921 г. все квалифицированные рабочие, мастера в возрасте до 50 лет, были мобилизованы на работу на предприятия Главного военного управления (на Урале таковыми являлись Ижевский и Мотовилихинский). В результате, как и в первые десятилетия XX в., в 1922 г. военные заводы вновь оказались на Урале крупнейшими по численности

⁵⁴² Подсчитано по: Труды ЦСУ 1921: 27–32, 34 (Таблицы). Близки к этому показателю и данные «Положение труда на Урале в 1923 г.» (С. 9, с учетом примеч. 4). В 1922 г. в Уральский регион статистика включала: Вятскую, Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую губернии, Башкирскую АССР, Вотскую область. Для сопоставимости с 1913–1917 гг. к Уральскому региону мы относим и Оренбургскую губернию.

⁵⁴³ Фельдман 2001: 97.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ См.: Народное сопротивление 1982: 55–56, 71–72, 128–129, 278–285.

⁵⁴⁶ ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 373: Л. 43.

⁵⁴⁷ Подсчитано по: ГАСО. – Ф. 241. – Оп. 6. – Д. 38: Л. 321–327; Рабочий класс 1987: 89.

рабочих (10212 на Ижевском и 4372 на Мотовилихинском)⁵⁴⁸. Речь шла не только о трудовых коллективах оборонных предприятий. Во второй половине 1922 г. в цензовой промышленности Урала было заметно некоторое оживление и, как следствие, рост численности рабочих с 107572 до 126633 (без учета военных заводов)⁵⁴⁹.

Целенаправленное сохранение костяка уральского промышленного пролетариата, специалистов горнозаводской промышленности⁵⁵⁰, создание системы управленческих институтов в экономике⁵⁵¹, успешное выполнение военных заказов ставит под сомнение выводы об «управленческой катастрофе», «агонии горнозаводской промышленности Урала» в 1919–1922 гг.⁵⁵² Требуется переоценки и переосмысления и наш собственный вывод, сделанный в 2001 г., о «катастрофическом характере» изменений в рабочих коллективах Урала за период военных и революционных потрясений 1914–1920 гг.⁵⁵³

Диктаторская сущность Советской системы не вызывает сомнений. Но очевидно и то, что победу в Гражданской войне одержала та власть, которая сумела наладить в сложнейших условиях разрухи народного хозяйства и массовых призывов в армию работу крупной индустрии, мобилизовать и удержать на производстве квалифицированный персонал.

Период войн и революций не мог не отразиться на культурном уровне населения Урала. Однако, соглашаясь с мнением французского историка А. Безансона о том, что «идеология разорвала связь между старым и новым режимом»⁵⁵⁴, заметим: изменения в сфере культурного уровня россиян оказались не столь глобальными, как это казалось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов 20-х гг. о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»⁵⁵⁵ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом, как, впрочем, и утверждения о «культурной катастрофе».

Теоретический вывод о том, что социальная катастрофа на самом деле представляет собой сложную комбинацию социокультурных

⁵⁴⁸ ГАПО. Ф. р-33. Оп.1. Д. 86: Л. 28–29; Д. 87: Л. 4 (Дело содержит «Отчет по выполнению программ заводов Главного Управления военных заводов за 1922 г.»).

⁵⁴⁹ Подсчитано по: Труды ЦСУ 1925: 27–32, 34. Статистика начала 20-х гг. XX в. еще сообщала об отсутствии материалов по военным заводам. См., например: Труды ЦСУ 1924: 120.

⁵⁵⁰ Фельдман 1999: 209–212.

⁵⁵¹ История народного хозяйства 1988: 36–37.

⁵⁵² Нарский 2001: 81.

⁵⁵³ Фельдман 2001: 94.

⁵⁵⁴ Безансон 1998: 8.

⁵⁵⁵ Луцев 1928: 10.

образования⁵⁵⁶, подтвердили результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г.: за короткий срок был восстановлен ряд количественных и качественных характеристик довоенного времени культуры, быта, уровня жизни. Вот почему, соглашаясь с суждением об архаизации всей общественной жизни после Гражданской войны⁵⁵⁷, мы полагаем, что изменения качественных характеристик внутри уральского социума не могут рассматриваться только как «культурная катастрофа, постигшая нас в первой четверти XX в.»⁵⁵⁸.

Препятствием на пути культурной аннигиляции стала прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, во многом определяющих социокультурный уклад горнозаводского населения Урала, крестьянства региона.

Конечно, с учетом гибели людей в годы Гражданской войны, эмиграции, деклассирования представителей бывших сословий произошло упрощение социальной структуры советского города, снижение его интеллектуального потенциала. Репрессии против священников и церкви мало поколебали религиозные традиции и верования уральцев ни в годы Гражданской войны, ни, по меньшей мере, в последующие два десятилетия⁵⁵⁹. В 1920-х гг. в быту уральцев причудливо сочетались прежние религиозные праздники и революционные, советские⁵⁶⁰.

Образ жизни населения, определяемый в регионе, даже у жителей городов и поселков, с одной стороны, ролью заводов, а с другой – земледельческим годом – сохранялся. Примечательна была и растущая, но не всеобъемлющая аграризация занятий у части горнозаводского населения.

Годы Гражданской войны не могли не отразиться на условиях быта рабочих России. Менее заметными были перемены в жилищных условиях рабочих Урала. Если в 1913 г. 60 % рабочих ценовой промышленности проживали в собственных домах, то по результатам июльского общероссийского обследования 1922 г., этот показатель составил 54 %⁵⁶¹.

Вот здесь мы подходим к вопросу о масштабе социальной катастрофы. Ужас положения «маленького человека», столь талантливо описанный Нарским, имеет вполне конкретный социальный адрес. Шесть лет войн и революций более всего поразили верхние слои об-

⁵⁵⁶ Лейбович 2000: 89.

⁵⁵⁷ См.: Михайлов 2001: 156.

⁵⁵⁸ Скоробогатский 1997: 70.

⁵⁵⁹ Постников, Фельдман 2009: 244–246, 258.

⁵⁶⁰ Парский 2001: 432.

⁵⁶¹ Подсчитано по: ГАСО – Ф. 95 р. – Оп. 1. – Д. 1115: Л. 2.

щества – дворянство, буржуазию – замечу, весьма немногочисленные слои на Урале, духовенство. Разрушительные последствия время принесло и для люмпен-пролетарских слоев рабочего социума и крестьянства. Но и здесь формирование нового государства, системы управления в экономике, работа в региональных и муниципальных учреждениях (Советах), в сфере образования и культуры требовали привлечения как большевизированных пролетариев, так и грамотных людей, специалистов. Все это суживало круг людей, живущих «растительной жизнью»⁵⁶², деградирующих и опустившихся. Сказывалась и вековая привычка россиян, в том числе уральцев, стойко переносить чудовищные бедствия и испытания. Катастрофический характер социальных явлений – и об этом убедительно пишет автор – были присущи либо отдельным уездам, либо конкретным поселениям⁵⁶³. При всем ужасе и трагичности происходящего – чего стоят случаи каннибализма в 1921 г.⁵⁶⁴ – проявления катастрофы носили локальный характер.

Подведем черту. «История повседневности» позволяет глубоко показывать человеческий микромир, но выводы по макромиру ей сильны только во взаимодействии с достижениями социальной и экономической истории. Трагическая страница российской истории – период Гражданской войны – столь же ужасна по своим социально-культурным результатам, как и Коллективизация, Голодомор, репрессии 1937–1938 гг. Но можно ли относить эти страницы к Катастрофам – разрушительным событиям, имеющим необратимые или труднообратимые последствия? Весь приведенный выше текст даст отрицательный ответ на поставленный вопрос. Более того, сомнительно рассмотрение периода 1917–1922 гг. как «времени революционной катастрофы»⁵⁶⁵. Но тем и значима книга Нарского, что, указывая на глубинные изменения микромира человека, она, пусть и в очень опосредованной форме, отражает и кардинальный поворот российской цивилизации в своем историческом развитии.

Носил ли этот поворот катастрофический характер для судьбы страны? Был ли напрасным семидесятипятилетний опыт советской истории? Все это уже темы иных исследований. Бесспорно только то, что создавать новаторские работы, подобные книге Нарского, труднее, чем критиковать их десять лет спустя.

⁵⁶² Нарский 2001: 26.

⁵⁶³ Там же: 124, 126, 127, 129.

⁵⁶⁴ Там же: 165–166.

⁵⁶⁵ Нарский 2001: 135.

Список источников и литературы

ГАПО – Государственный архив Пермской области.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

Безансон 1998 – Безансон А. Советское и русское прошлое. – М.: МИК, 1998.

Бюджеты рабочих 1929 – Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. – М.: Статистическое изд-во, 1929.

Годовой отчет 1921 – Годовой отчет Промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. – Екатеринбург: Государственное изд-во, 1921.

Гусев 1928 – Гусев А. О культурной революции // Уральский коммунист. – 1928. – № 1.

Дмитрисв, Дмитрисва 1990 – Дмитрисв Н. И., Дмитрисва Т. В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919–1920 гг. // Экономическое и социально-политическое развитие Урала в переходный период. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Ильюхов 2010a – Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемел: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. – М.: РОССПЭН, 2010.

Ильюхов 2010b – Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2010.

История казачества 1995 – История казачества Азиатской части России в трех томах. Т. 1. – Екатеринбург, 1995.

История народного хозяйства 1988 – История народного хозяйства Урала в 2 ч. Ч. 1. (1917–1945). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

Лейбович 2000 – Лейбович О. А. Социокультурный контекст отечественных модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. – М.: Наука, 2000.

Материалы 1928 – Материалы по сельскохозяйственной статистике труда // Труды Уральского областного бюро статистики. Свердловск, 1928. – Сер. 3. – Т. 4.

Михайлов 2001 – Михайлов И. В. Рец. на кн.: «Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению» // Вопросы истории. 2001. – № 4.

Народное сопротивление 1982 – Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. 1917 – ноябрь 1919 гг. Документы и материалы. Париж: Упка-press, 1982.

Нарский 2001 – Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.

- Население России 2000 – Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I: 1900–1939. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Ожегов, Шведова 1995 – Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995.
- Постников, Фельдман 2006 – Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
- Постников, Фельдман 2009 – Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1940 гг. – М.: РОССПЭН, 2009.
- Рабочий класс 1987 – Рабочий класс Удмуртии (1861–1986). – Ижевск: Удмуртия, 1987.
- Сигов 1936 – Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. – Свердловск: Свердловгиз, 1936.
- Скоробогатский 1997 – Скоробогатский В. В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. – Екатеринбург: Наука: Урал. отд., 1997.
- Труды ЦСУ 1921 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 8. – Вып. 1. Статистический сборник. 1918–1920. – М.: 14-я Гос. тип., 1921.
- Труды ЦСУ 1924 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 8. – Вып. 5. Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. – М.: 14-я Гос. тип., 1924.
- Труды ЦСУ 1925 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 10. – Вып. 6. – Ч. 3. – М.: 14-я Гос. тип., 1925.
- Фельдман 1989 – Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале. (1921–1926 гг.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- Фельдман 1999 – Фельдман М. А. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX века // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Фельдман 2001 – Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Фельдман 2006 – Фельдман М. А. К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. // Вопросы истории Урала. – № 19. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 174–198.
- Шиловцев 2004 – Шиловцев А. В. Из истории продовольственной политики на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919–1920 г.) // Проблемы экономической истории Урала. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Урал. ун-та, 2004.

Mikhail A. Feldman

**ON THE CHARACTER OF THE DEMOGRAPHIC
CONSEQUENCES OF THE CIVIL WAR IN THE URALS
OR NOTES WHILE READING I. V. NARSKY'S MONOGRAPH
"LIFE IN THE CRASH. EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION
OF URALS IN 1917–1922" (MOSCOW: ROSSPEN, 2001)**

The article is devoted to the important historical and historiographical problem: the role of the civil war in the history of Russia. Has the civil war become a disaster for the Russian society, violating the civilizational connections of the times? The author expresses the view that in all the many troubles and losses of the period of 1918–1920 was not a disaster for the economy and society, as the scale of the country and the Urals region.

Keywords: Russia; the Urals; the industry; the people; the workers; the losses.

Код ВАК 07.00.03

Н. Ф. Шестакова

**МЕМОРИАЛЬНАЯ И РИТУАЛЬНАЯ ФОРМЫ
ВАЛЛИЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Рассматривается роль кладбищ и могильных камней в сохранении памяти Уэльса и в реконструкции прошлого данного региона. Раскрывается образ смерти в представлении валлийцев, и связанные с ним традиции и обряды.

Ключевые слова: Уэльс, кладбище, могила, могильный памятник, смерть, память.

Память является коллективным феноменом. Она представляет собой форму отношений между живыми и мертвыми, служит напоминанием о них посредством предметов, способствующим присутствию усопших в настоящем. Этими предметами являются неотъемлемые атрибуты кладбищ и церквей: могилы, могильные памятники и надгробия. Кладбища – места памяти. Французский философ П. Рикер в книге «Память, история, забвение» отмечает: «Погребение есть акт, акт предания земле. Этот акт – не единовременный; он не ограничива-

Шестакова Надежда Федоровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Shestakova Nadezhda, post-graduate student of Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-72. Электронная почта/E-mail: shestakovanf@mail.ru.